

Кей Скорн

Империя
Багровой
Тени

18+

Кей Скорн

Империя Багровой Тени

«Автор»

2026

Скорн К.

Империя Багровой Тени / К. Скорн — «Автор», 2026

Чудо требует жертвы. А Империя — ещё большей. Земля бесплодна, небо затянуто пеплом, а из разломов реальности выползают порождения безумных экспериментов великой волшебницы Джамилы. Её дочери расплачиваются за наследие матери. А над ними всеми нависает тень Кассиана — холодного повелителя с небес, объявившего себя отцом Ксении и истинным наследником. Его магия порядка не терпит хаоса, а предложение звучит как приговор: брак или полное уничтожение. Тёмное фэнтези, где магия — это проклятие, власть — ловушка, а любовь — самое опасное оружие. Добро пожаловать в мир, где за каждое чудо нужно платить кровью.

© Скорн К., 2026

© Автор, 2026

Кей Скорн

Империя Багровой Тени

Воздух в Роше Пробуждения был густым, как тёплый сироп, и пах не спорами, а пылью истлевшей памяти. Золотистые и багровые искры мерцали в бархатистой тьме, словно вздохи забытых грёз. Это была не битва, а панихида в аду.

Из слизистых теней выскальзывали твари, напоминавшие волков лишь зубастой пастью, светившейся бледно-зелёным, как гнилушки. Они хватали солдат в синих мундирах и затягивали в чашу, где те захлёбывались криками. С потолка, бывшего когда-то стеклянным куполом, свисали плети плюща-удавки, обвиваясь вокруг шей и вырывая мечи. Хруст костей заглушал звон клинков.

Лета прижималась к тому, что когда-то было колоннадой, а теперь стало опорой для пульсирующей колонии грибов-светильников. Её серый костюм уже пропитался сладковатым потом аномалии. Она была тенью в этом кошмаре, наблюдала. Огромный медведь-призрак, сквозь чьи очертания лился зловещий янтарный свет, отрывал конечность солдату.

Тьма здесь была бархатисто-изумрудной, будто свет фильтровался сквозь витраж проклятого собора. Из неё вырывались не взрывы, а звериные рёвы, звон сабель и чудовищные, влажные хлюпающие звуки. Имперский карательный отряд в синих мундирах с серебряными галунами сражался отчаянно и обречённо.

Лиана, похожая на позвоночник исполинской змеи, пронзала другого и с хрустом сжимала. Лета видела узор в этом безумии. Все тени, все стоны, вся боль стекались в одну точку – в центр павильона, к руинам фонтана. Туда, где пульсировало Сердце аномалии.

Лета скользнула между сражающимися, её движения – отточенные годами странствий и врождённым Чутьём – были экономичны и точны. Её взгляд, обычный человеческий взгляд, но острый и обученный, улавливал узоры в этом безумии.

Она уворачивалась от падающих клубков шипастых плетей, от разлетающихся обломков мрамора. Она перешагнула через умирающего имперца, хватавшего её за голень механической рукой. Тикающие шестерёнки хрустнули и замерли. Её дар, тот, что прятался с детства и жёл изнутри тихой музыкой дисгармонии, вёл её к цели. Эмберы были не солдатами, а хирургами реальности. Их ценили за то, что они чувствовали ритм шрама – разрыва в мироздании – и могли уговорить его заснуть.

И вот она увидела его. Не сгусток энергии, а призрачный образ в сплетении чёрных корней. То ли Сильф невиданной красоты, то ли пойманный в ловушку вихрь из лепестков и перьев. Это была память о лесных духах, сошедшая с ума от гибели. Всё вокруг было её кошмарным сном. Это и было ядро боли – память о лесных духах, когда-то живших здесь, память, сошедшая с ума от осквернения и гибели. Всё вокруг было лишь её кошмарным сном. Лета, совершая странные, ломаные па, словно танцующая в такт незримому, искажённому ритму этого места, двигалась к нему. Нужно было не поглотить, а войти в резонанс, позволить своему внутреннему «слуху» найти источник искаженной магии.

Всегда это был тихий, изнурительный диалог с болью. Она сделала шаг вперёд, игнорируя рёв боя позади. Ещё шаг. Её рука в простой кожаной перчатке потянулась к мерцающему видению. В этот момент из-под плит, будто спавший здесь миллион лет, вырвался побег, стремительный, как гарпун. Шипастый стебель цвета запекшейся крови, увенчанный костяным шилом.

Лета замедлилась на долю секунды, фокусируясь на ядре. Она услышала хруст ткани, а затем – плоти. Тёплая кровь хлынула по ноге, смешиваясь со сладковатой слизью аномалии. Она не закричала сразу. Воздух захватило в груди. Потом звук вырвался – не крик, а сдавленный, хриплый выдох ярости и отчаяния от того, что она так близко.

Корень дёрнулся, пытаясь протащить её, припилить к земле. Лета, рыча сквозь стиснутые зубы, схватилась за стебель обеими руками. Не серебристый свет, а тепло – странное, умиротворяющее тепло – пошло от её ладоней. Её дар, её попытка пожалеть даже эту злобу, сработал. Стебель под её пальцами не рассыпался, а завял, почернел и замолк, как угли, залитые водой.

Она стояла на одной ноге, чувствуя, как слабость и боль накатывают волной. Призрачный образ Сильфа пульсировал перед ней, его краски стали нервными, вибрирующими. Шрам, почуяв иную, успокаивающую энергию, содрогнулся. Стены слизи забились в последней судороге. Крики сзади стали паническими – порождения шрама, чувствуя, что их суть ускользает, свирепели. Сквозь скрежет стали, визги и молитвы она понимала, что времени не осталось. Лета бросилась вперёд, падая, но вытягивая руку. Её окровавленные пальцы коснулись не тверди, а самого видения, вошли в мерцающий контур.

Мир взорвался. Не звуком, а чистым ощущением. В её разум хлынули воспоминания, прохлада чаши, жар песков, ощущение полёта, бездна океана. И затем – Боль. Вселенская, непостижимая. Боль от разрыва, от мутации, от падения мира. Магия, пытавшаяся выжить, изуродовала сама себя.

Лета кричала, но не слышала своего голоса. Её тело стало проводником. Она не уничтожила ядро. Она принимала его в себя, давая древней, искалеченной энергии последний, короткий путь к успокоению. Её собственная, едва тлеющая искра врожденной чувствительности служила камертоном тишины. Призрачный дух в её руках вздохнул, его переливчатые краски померкли, стали прозрачными, как роса.

И погасла. Тишина после ухода аномалии была оглушительной. Не мёртвой – уставшей, опустошённой. Воздух, теперь разреженный и холодный, пах плесенью, старым камнем и пылью – самыми обычными, неопасными запахами запустения. Серый свет бессолнечного дня пробивался сквозь развалины купола.

Лета, прижимая ладонь к жгуту на бедре, где кровь уже пропитала ткань, наблюдала, как имперцы приходят в себя.

Переход был как падение с утеса. Из гниющего, но живого кошмара аномалии – в мёртвую пустыню реального мира. Здесь не было буйных, пусть и уродливых, красок искажённой памяти. Здесь царил цвет пепла, ржавого железа и тусклого камня. Ветра почти не было, лишь изредка пробегали вихри, поднимая тучи едкого чёрного пепла.

Имперцы не ликовали. Они стояли среди тел своих павших, сторбленные, опустошённые. Их синие мундиры с серебряным шитьём изорваны в клочья, залиты кровью и странной, уже быстро блекнущей растительной слизью. Один из них, офицер в помятой фуражке, поднял на Лету взгляд. В его глазах была не благодарность. Усталая смесь брезгливости и суеверного страха. Эмбер. Мутант-миротворец.

– Ты... цела? – хрипло спросил офицер, обращаясь скорее к призраку, чем к женщине.

Лета кивнула, не разжимая зубов. Говорить было больно. Воздух обжёт лёгкие.

– Аномальная зона?

– Шрам уснула, – выдавила она. Её голос звучал сипло, как скрип несмазанных петель.

Офицер махнул рукой сигнальщику: «Доложить. Очаг запечатан». Он даже не посмотрел на Лету, поправляя португепю.

Эмберы хоть и были на особом счету у Ведомства, но в полку к ним относились как к ходячим снам наяву – полезным, но чужеродным. Они были теми, в ком ещё теплились остатки «Иного Чувства», запретного дара старой эпохи.

Их служба держалась на имперских патентах и личном долге, но каждый офицер помнил циркуляры: истории о том, как такой «успокоенный» сходил с ума от накопленных воспоминаний места, как превращался в «живой проводник» для новой вспышки или просто исчезал в глубине шрама, пополнив его коллекцию призраков. Солдаты гибли героями, их имена вно-

силы в реестры. Эмберы возвращались редко, к ним не привыкали. Если миссия провалена – они не значились пропавшими. Они значились «поглощёнными ландшафтом».

В кабинете императрицы было тихо, если не считать мягкого потрескивания поленьев в огромном камине и тихого, мерного звука песочных часов на каминной полке. Пламя горело холодным, серебристым цветом – не магия, а химическая смесь на основе фосфора и редких солей, дарующая чистый свет без копоти, доступный лишь вершинам власти.

Взгляд Ксении был прикован к прибору на столе перед ней. «Эйдолон» – устройство в виде латунного компаса, внутри которого под толстой линзой плавала капля вязкой, маслянистой жидкости чернее сажи.

В этой капле, словно в застывшем воспоминании, дрожало изображение: эмбер, дрожащими руками расстегнула пряжку на поясе и достала скрученный лоскут прорезиненной ткани и латунный зажим – стандартный имперский перевязочный пакет. Со скрипом затянула его выше раны, чувствуя, как пальцы холодеют от усилия

– Она? – спросила Ксения тихо. Её голос был низким, уставшим от власти, но в нем не было сострадания. Рядом, чуть в тени, стоял её советник, Мастер Айвен. Человек в темно-сером сюртуке, с лицом, которое легко забывалось, если он сам того не хотел

На засыхающем дерЛете, под которым Лета перевязывала бедро, сидело существо, напоминавшее искалеченного мраморного голубя, он беззвучно повернул свою каменную голову. Его тело было лишено перьев, покрыто бледной, полупрозрачной кожей, сквозь которую просвечивали тонкие, темные прожилки. Но главное – его глаза. Они были огромными, лишенными век, и состояли не из белка и зрачка, а из двух полусфер мерцающего минерала: одна – бледно-желтого хризолита, другая – глубокого чёрного обсидиана. Эти глаза не моргали. Они просто впитывали свет, форму, а по непроверенным данным – и эмоциональный отпечаток места. Хризолиты были одной из немногих природных аномалий, поддавшихся изучению и ограниченному разведению Имперской Академией Наук. Их слеза, застывая, превращалась в ту самую маслянистую субстанцию – «эйдолон-гель», основу для приборов дальней разведки. Через неё можно было увидеть последнее, что запечатлел взгляд существа. Изображение в «Эйдолоне» на столе дрогнуло, сменив ракурс. Лицо Леты на миг озарилось тусклым светом – усталое, бледное, с тёмными кругами под глазами, но с упрямым, не сломленным до конца огоньком в глубине взгляда. Потом тень снова поглотила его.

– В её ауре... не поклонение, – заметил Айвен. Его голос был ровным, аналитическим, как отчёт казначея, – Скорее, горечь выжженной земли, усталость старого камня, смутная тяга к тишине... и осознание глухой стены. Идеальный фундамент для лояльности, основанной на отсутствии выбора.

Ксения провела пальцем по холодной латуни прибора, и изображение в нём растворилось, оставив лишь черноту геля.

– Отчёт о «Роще Пробуждения»? – спросила она, отводя взгляд к карте, висевшей на стене

– Официально: миссия завершена успешно. Территория усмирена, Потери легионеров – в пределах прогноза. Очаг аномалии нейтрализован силами отряда. – Айвен сделал небольшую, но красноречивую паузу, – Неофициально: шрам усыпила эмбер Лета Свон. Получила ранение бедра от инкарнации Кровопоющий Отпрыск. Несмотря на это, завершила процедуру. Уже седьмая успешная процедура усмирения в этом году

– Семь, – повторила Ксения, и в её голосе впервые прозвучал оттенок интереса, холодного и расчетливого, как лязг затвора. – Её ресурс?

– Максимальный среди всех активных эмберов её когорты, – Айвен вынул сверток со стола, – Физиологические показатели на нижней границе нормы, но психо-эфирная стабильность и контроль над внутренним резонансом... выходят за рамки текущих моделей. Она не

просто следует картам, Ваше Величество. Она их... поправляет. Находит проходы там, где сюрвейеры предрекают тупик. И её собственный, подавленный дар... Он не гаснет и не мутирует: управляемый, предсказуемый.

Ксения вновь посмотрела на «Эйдолон», где теперь отражалось лишь искажённое серебристое пламя.

– «Проект Феникс» требует не выносливости мула. Он требует живого, стабильного моста, способного не рассыпаться при контакте с первородной магией, – проговорила она, размышляя вслух. – Все предыдущие кандидаты давали сбой. Их внутренняя гармония разрушалась от одной лишь близости к образцу эфирного ядра. Они сходили с ума, гнили заживо или просто... растворялись

– Именно так, – кивнул Айвен. – Лета Свон демонстрирует пассивный иммунитет. Может быть, именно такой проводник и сможет коснуться сердца, не разбудив его окончательно, а лишь настроив его ритм... на наш лад.

Императрица медленно подняла руку. Хризолит с жердочки перелетел и сел на её палец, холодный и невесомый, как призрак. Его каменные глаза бездумно смотрели в пространство.

– Я хочу знать о ней все. Не только рапорты. Её сны, если сонографы что-то улавливают. Реакции на стандартные триггерные эфиры. Уровень остаточной эманации после каждой миссии. Если она и вправду та самая игла... – Ксения замолчала, глядя в чёрную линзу прибора. – ...то нам придётся подготовить её к роли, куда большей, чем тихая смерть в пригороде. «Феникс» пожирает тех, кто его разжигает. Убедитесь, что она к этому готова. Или что её можно сломать и собрать для этого. Когда вернётся в столицу – доставьте её ко мне. Инкогнито.

Айвен склонил голову, тень от полок с фолиантами скользнула по его лицу.

– Будет исполнено, Ваше Величество.

В камине с треском осело полено, и серебристое пламя на миг вспыхнуло ярче, осветив латунный корпус всевидящего прибора и бесстрастное лицо женщины, которая вершила судьбы, глядя в глаза каменной птице-призраку.

Лета прижала ладонь к бедру, сквозь разорванную ткань бронекостюма сочилась тёмная, липкая кровь. Шип мутировавшего растения вонзился глубоко, и каждый шаг отдавался жгучей болью. Она игнорировала её, как и игнорировала изумлённые взгляды солдат.

– Отряд, на исход! – скомандовал сержант, голос его был хриплым от напряжения и дыма.

Отряд лязгнул тяжёлыми латами, развернулся и потянулся обратно, к Северному Гнезду. Укрытие пряталось в трёх километрах пути, в брюхе развороченного гигантского мастодонтохара – грозного животного былых времён, чьи окаменевшие рёбра теперь служили балками для казематов и казарм.

Лета шла позади всех, прихрамывая. Её взгляд, выжженный и автоматический, скользил по знакомому пейзажу проклятия. Голые скалы впивались в багровое, вечно закатное небо. Скрюченные, почерневшие деревья застыли в немом крике, словно тени, застигнутые миготом агонии. И повсюду – обломки. Останки великой скорби. Железные кости умершего мира, которые земля отторгала из своих недр, как чужеродные осколки. Всё, как всегда.

Тишина, наступившая после боя, была не тишиной вовсе. Это была гулкая, ненадёжная пауза. Пауза, в которой слышался шепот праха под сапогами, скрежет металла на ветру и далёкий, неумолчный вой – то ли ветра в ущельях, то ли тех, кого они только что отправили в небытие.

Лёгкая, едва уловимая вибрация в воздухе остановила Лету. Как струна, которую дёрнули за километр. Она замерла.

– Эмбер? – оглянулся на неё молодой солдат, в глазах которого ещё плескалась неоформленная тревога.

Лета не ответила. Её взгляд был прикован к месту, где только что была уничтожена аномалия. Там, где скала встречалась с развалинами ботанического сада, пространство заплакало. Едва заметный серый рубец в воздухе вдруг задрожал. Он начал пульсировать, растягиваясь и сжимаясь, как легкие гигантского спящего существа. Из его центра сочился свет нездорового, ядовито-зелёного оттенка – цвет гниения, цвет яда, цвет магии, сошедшей с ума.

– На позиции. Бегом! – рявкнул сержант, и отряд развернулся назад, но уже слишком поздно.

Лета замерла, вросла в мертвую землю подковами сапог. Её сознание, выкованное в горниле бесчисленных стычек, молниеносно билось в тисках одного слова: Шрам. Он не должен был проснуться. Источник был уничтожен, пепел его сердца еще теплился у неё в груди. Но по её жилам все еще бежали ледяные токи отзвучавшей агонии. Логика не было. Была лишь костяная истина: угроза не мертва. Долг не исполнен.

Возле неё, словно прикованные невидимой цепью ужаса, застыли остальные: юнец с лицом, обезображенным немым воплем, Зора – её пальцы белели на рукояти тяжелого арбалета, и техник Лео, чье неумолчное бормотание о щитах и гармониях теперь походило на предсмертный бред.

– Эмбер! К остальным! – хриплый голос сержанта донесся из-за излома скалы, где уже мелькали спины возвращающихся на позиции имперцев.

В этот миг Шрам взревел.

Не звуком – раздирающей плоть реальности болью. Воздух над ним разверзся с хрустом ломающихся мировых осей. Из кроваво-багровой пазухи, с шелканьем хитина и визгом нерождённых, повалились твари. Они были мельче, проворнее, отчаяннее первых. Не порождение – последняя судорога раны, нанесённой миру. Рой ярости, выклеванный из самого нутра бытия.

Лета достала свой небольшой кинжал, игнорируя пронзающую боль в бедре. Она сделала шаг навстречу новому хаосу. За ней, после секундной паузы, шагнули Зора и Лео. Лета понимала: если оставить эту рану открытой, завтра она развернется прямо над спящим городом.

Зора успела выкрикнуть что-то, превратившееся в ругань, когда первая тварь, спрыгнувшая с с разрушенной крыши, впиалась клешнями в приклад её арбалета. Солдат-юнец отчаянно рубил ржавым клинком, гигантского муравья, металл звонко отскакивал от хитина. Лео, прижавшись спиной к скале, лихорадочно щупал воздух руками, будто пытаясь нащупать невидимую стену, которая больше не работала. Воины приближались к ним, принимая на себя новые удары.

Лета не видела этого. Весь её мир сузился до пульсирующей раны в воздухе. Логика, долг, приказ – всё это рассыпалось в прах перед простым, животным знанием. Дверь была приоткрыта. Её надо было захлопнуть. Иного способа не было. Не дожидаясь подмоги, она рванула с места не от тварей, а сквозь них – к самому эпицентру разрыва. В ушах стоял рёв крови и далёкий, будто из-под толщи воды, крик Зоры. Что-то острое и липкое хлестнуло её по спине, она упала.

– ЛЕТА! – это был уже голос Лео, пронзительный и сломанный.

Она повернула голову: на последнем шаге её взгляд скользнул по крошке знакомого мира: юнец, падающий под тучей теней; Зора, лежащая на земле, отбивающаяся арбалетом; багровая слюда заката над зубчатыми скалами.

А потом был только Шрам, он поглотил ее. Реальность сомкнулась за её спиной с глухим, влажным хлопком, и все звуки битвы разом исчезли, словно их перерезали ножом. Наступила иная тишина – густая, давящая, звонкая от чуждых частот.

На поверхности битва стихла так же внезапно, как и началась. Твари, только что кишасшие яростью, вдруг замерли, их хитиновые тела обратились в прах и пепел за несколько сердечных ударов. В наступившей тишине слышался только тяжёлый хрип Зоры да приглушённые стоны раненого юнца.

Лео медленно опустил трясущиеся руки. Он смотрел на то место, где секунду назад зияла рана в мире. Теперь там был лишь смятый, почерневший грунт да лёгкое марево, стелющееся у земли, как мираж.

– Где... Лета? – прохрипел юнец, с трудом приподнимаясь на локте. Зора забежала в разрушенное здание, в котором они проводили зачисту. Оно молчало, лишь мелкие частицы пепла и железа витали в воздухе. Ни шрама, ни клочка её плаща. Только в воздухе висел сладковато-металлический запах, как после удара молнии, и горстка тёмного пепла, кружащаяся в восходящем потоке.

Сержант, вернувшийся с подмогой, лишь бешено озирался, сжимая древковый топор.

– Где эмбер? – его голос был низким и опасным.

– Видимо не вернётся, — без интонации, сказала Зора, не отрывая взгляда от пустоты. Лета была единственным эмбером с кем Зора провела уже три миссии, остальные пропадали быстрее, – все чисто.

Они собрали своих мертвецов и раненых и поволоклись прочь, к Гнезду. Никто не оглядывался. Оглядываться на то, что забрал Искажённый Мир, было не просто бесполезно – это было опасно. В отчёте, который позже лег на стол коменданта, в графе «Безвозвратные потери» появилась ещё одна строка: «Эмбер Лета Свон. Пропала при ликвидации аномалии. Тело не обнаружено. На возврат не надеяться».

И не надеялись. В мире, где реальность порвана в клочья, некоторые прорехи не затягиваются. Они лишь ждут, чтобы в них провалилась очередная душа, ставшая частью вечного, ненасытного шума за гранью тишины.

Воздух в полуподвальном архиве с низкими сводами был густым, как бульон из спящих катастроф. Пыль, ввевшаяся в тысячи папок, смешивалась с запахом травяного чая из сушёных ягод, который Лаврентий пил для суставов. На столе, под желтоватом светом масляной лампы-светляка в стеклянной колбе, лежала свежая пачка отчётов с полевой печатью «Северное Гнездо».

– Ну-с, что нам прислали сегодня на опись? – Лаврентий кряхнул, усаживаясь и бережно потягивая больную руку. – Давай по порядку, Эльмира. «Безвозвратные потери» – налево. «Материальный ущерб» – в центр. «Сомнительные донесения» – в корзину, но предварительно сделай копию. Для... архива личного.

Эльмира кивнула, её пальцы уже летали по бумагам, распределяя их с выверенной эффективностью. Она зачитала первые строки:

– Легионер Роман Валерьев. Погиб от удушения аномальной флорой. Тело эвакуировано, семье – пенсия по третьей категории.

– Так, – пробурчал Лаврентий, записывая каракулями в огромный фолиант «Реестр убытков человеческого капитала, том XLII». – Стандарт. Следующий.

– Легионер Илья «Щербатый». Пропал без вести. Тело не обнаружено. Семья – пенсия по пятой, но с пометкой «на усмотрение коменданта в случае возможного возврата». – Эльмира подняла бровь. – Возврата? После «Роши»?

– Протокол есть протокол, – отрезал Лаврентий, не отрываясь от книги. – Если он вылезет через месяц из какого-нибудь шрама с глазами на животе, его нужно будет сдать обратно как реквизированный аномальный объект. Пенсию отменят. Так что пометка важна. Дальше.

Эльмира взяла следующий лист. Её взгляд на секунду задержался.

– Эмбер Лета Свон. Пропала при ликвидации аномалии. Тело не обнаружено. Рекомендация: «На возврат не надеяться».

В архиве повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием светляка в колбе. Лаврентий наконец оторвался от книги. Он снял очки, медленно протёр линзы краем перчатки.

– Свон... Свон... – пробормотал он. – А, она вторая или третья в этой аномалии в этом году. Интересно.

– Интересно? – Эльмира не могла скрыть лёгкого отвращения. – Она же умерла. Или того хуже.

– «Умерла» – это конкретика, – поправил её Лаврентий, надевая очки. Его глаза снова стали острыми, как скальпели. – «Пропала при ликвидации» – это статистическая погрешность. «Тело не обнаружено» – это возможность. А «на возврат не надеяться»... – он сделал паузу, наслаждаясь моментом, – ...это самое важное. Это значит, что система признала: то, что случилось с эмбер Свон, находится за гранью стандартных рисков. Это не просто смерть. Это поглощение ландшафтом. Уникальный случай, особенно для столь эффективного инструмента.

Он протянул руку. Эльмира молча отдала ему листок. Лаврентий внимательно изучил печати, подпись коменданта.

– Так, так... Рекомендация исходит от полевого командира, но утверждена штабным психо-эфирным оценщиком. Значит, были признаки... нестандартного взаимодействия с шрамом перед исчезновением. – Он посмотрел на Эльмиру. – Видишь, о чём речь? Это не строка в отчёте. Это как симптом. Симптом того, что паттерны меняются. Таких аномалий, которые поглощают нескольких эмберов не так много на сегодня.

– И что с этим делать? – спросила Эльмира, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Старик говорил о живших и страдавших людях, как о неисправных деталях.

– Занести в отдельный каталог, – оживился Лаврентий. – У меня есть раздел «Промежуточные формы и ассимиляции». Туда. С пометкой «Целевое поглощение высокоресурсного эмбера». А потом... наблюдать. Если аномалия в «Роще» снова проявит активность, но в изменённой форме, мы сможем провести корреляцию. Возможно, эмбер Свон стала частью нового паттерна. Это бесценные данные!

Он уже потянулся к своему личному, толстому фолианту с кожаной обложкой, на которой было вытиснено: «Наблюдения об эволюции скорби». Его глаза горели холодным, научным азартом.

И тут из тени между стеллажами, прямо из-за спины Эльмиры, прозвучал голос. Тихий, ровный, без единой эмоциональной ноты.

– Вы сказали «эмбер Свон»?

Эльмира вздрогнула и едва не вскрикнула. Лаврентий лишь медленно поднял взгляд, как будто ожидал этого.

В проходе стоял Айвен. Мастер Айвен, личный советник Императрицы. Он появился так бесшумно, что казалось, материализовался из самой сути архивной пыли. Его лицо было, как всегда, непроницаемым полотном.

– Господин Мастер, – кряхтя, поднялся Лаврентий. – Вы нас почтили... Чем могу служить?

Айвен не ответил на приветствие. Его взгляд был прикован к листку, который всё ещё держал в руках Лаврентий. Он сделал один шаг вперёд, и свет от лампы упал на него, не смягчив ни одной черты.

– Отчёт из «Северного Гнезда». По «Роще Пробуждения», – констатировал Айвен. Это был не вопрос.

– Так точно, – кивнул Лаврентий, невольно сжимая листок. – Разбираем безвозвратные потери. Тут как раз...

– Я слышал, – перебил Айвен. Его голос был тише, но от этого лишь весомее. – «Поглощение ландшафтом». Вы уверены в формулировке?

Лаврентий почувствовал, как его научный пыл сменился осторожностью. С Айвеном шутить не стоило.

– Это стандартная формулировка для подобных случаев, господин Мастер. Когда эмбер исчезает без физических останков в эпицентре активного шрама. Но... в данном случае есть нюансы. Высокий ресурс субъекта, нехарактерное поведение аномалии...

– Дайте, – просто сказал Айвен, протянув руку.

Лаврентий, не колеблясь ни секунды, отдал листок. Айвен пробежал его глазами. Кажется, он не читает, а сканирует текст, выискивая не слова, а скрытые за ними паттерны. Его лицо оставалось каменным, но Эльмире, наблюдавшей за ним, показалось, что в уголках его глаз что-то дрогнуло. Не печаль. Не злорадство. Скорее... интерес. Такой же холодный и точный, как у Лаврентия, но в тысячу раз более сосредоточенный.

– «На возврат не надеяться», – повторил Айвен слова из отчёта. Он поднял взгляд на Лаврентия. – Вы с этим согласны?

Архивариус замер. Это был ловушка.

– Я... я лишь следую классификации, господин Мастер. Если полевой командир и оценщик...

– Я спрашиваю ваше личное мнение, архивариус, – голос Айвена стал ещё тише, но в нём появилась стальная нить. – Вы изучаете закономерности. Как специалист. Надеяться или нет?

Лаврентий проглотил комок в горле. Он посмотрел на свой фолиант, на строку, которую только что хотел вписать.

– Как специалист... – он начал медленно, – ...я считаю, что вероятность возврата в человеческой, узнаваемой форме стремится к нулю. Однако вероятность того, что её... остатки, её эфирный отпечаток, могут повлиять на структуру шрама, сделать его более сложным или целенаправленным... эта вероятность, на мой взгляд, весьма высока. Она не вернётся к нам. Но она может стать частью чего-то нового.

Айвен слушал, не двигаясь. Потом медленно кивнул, как будто ответ архивариуса совпал с какими-то его внутренними расчётами.

– Благодарю вас за точность, – сказал он, и в его тоне впервые прозвучало что-то, отдалённо напоминающее удовлетворение. – Продолжайте вашу работу. И обеспечьте копию этого дела, а также всех сопутствующих отчётов по «Роще» за последний год, в мою личную канцелярию. Без отметок в общем журнале выдачи.

– Будет исполнено, – немедленно ответил Лаврентий, чувствуя, как по спине стекает холодный пот.

Айвен ещё раз взглянул на листок с именем «Лета Свон», сложил его с неестественной аккуратностью и убрал во внутренний карман сюртука. Затем, не сказав больше ни слова, он развернулся и растворился в лабиринте стеллажей так же бесшумно, как и появился.

В архиве снова воцарилась тишина, теперь казавшаяся гулкой и некомфортной. Эльмира выдохнула, не осознавая, что задерживала дыхание.

– Что это было? – прошептала она. – Почему он заинтересовался рядовым эмбером?

Лаврентий опустил на стул, его лицо стало пепельно-серым. Он отхлебнул чаю, но напиток, казалось, потерял вкус.

– Это, девочка, было не «интересом», – тихо ответил он. – Это была проверка. Он не спрашивал, вернётся ли она. Он спрашивал, во что она могла превратиться. И наш ответ... его устроил.

Он посмотрел на пустое место, где только что стоял Айвен.

– Забудь про отдельный каталог, – сказал он Эльмире, и в его голосе впервые за всё время прозвучала усталость, не физическая, а глубинная. – Внеси её в общий реестр потерь. Стандартной записью. И не упоминай ни о каких «симптомах». Некоторые данные слишком ценны, чтобы быть записанными. Иногда... само знание – уже риск.

Эльмира кивнула, на этот раз без тени нетерпения в глазах. В них появилось новое, тревожное понимание. Она только что увидела, как настоящая власть – тихая, безликая и всеви-

дящая – отметила кого-то в своих списках. И это было страшнее любой аномалии в любом отчёте.

Слизистая, амбровая субстанция Шрама облепила её с головы до ног, не давая дышать, но и не стремясь задушить. Она медленно просачивалась сквозь слои реальности, как игла сквозь гниющую плоть, и каждый слой оставлял на её сознании жирный, психический отпечаток.

Она видела скалы, но не глазами – болью спины, той тупой ломотой, что испытывает камень, когда его раздирает чужеродная сила. Она чувствовала мгновенную угольность деревьев – не жар пламени, а стремительное превращение в холодный пепел, рассыпающийся в небытие. Она слышала ржавый визг металла, но не ушами – вибрацией в челюсти, будто её собственные зубы ломались и плавились.

Это была агония, вшитая в материю. Чёткий, структурированный, знакомый до мурашек, сквозь гул страдания пробивался узор. Сознание Леты заполняли образы, свое тело она ощущала, но не владела им.

Хруст под сапогом. Но не веток – мелких, птичьих костей. Головокружительная тошнота от потери себя. Ощущение бесконечного падения вниз по лестнице, где с каждым пролётом ускользает собственное имя.

Видения заполняли ее, она чувствовала боль, которая была там, слышала крики, чуяла смерть. Лета терялась в меняющейся реальности, круговорот символов и ощущений

–Артем, – простонала она, это его почерк в этой коллекции. Методичную, почти клиническую фиксацию кошмара. Так делал только он. Эмбер Артем Шторм. Пропавший. Поглощённый. Это его воспоминания, отчеты, когда прочитанные ей.

Ледяная стрела страха, острее любого клинка, пронзила её насквозь. Шрам не был безликой раной. У него новое ядро-хранитель. И он заманил её сюда. Пульсирующее пространство сжало её в тиски и сбило с ног. Лета закричала, вырывая своё сознание из липких пут.

Ясность пришла. Лета поднялась на ноги, она чувствовала ядро. Биоматический саркофаг из соляных сталактитов и жилоподобных волокон, похожий на раздувшееся сердце, поражённое чёрной гнилью. И в нём, вмурованный по грудь, сидел Артем.

Физически – сломанная кукла, плоть, сросшаяся со склеротичными наростами. Но его сознание... Его сознание было разорванным витражом. Осколки воспоминаний, каждое – со своим цветом, своей картиной, своим голосом.

Голоса заговорили. И они говорили сквозь неё, вибрируя в её костях:

1. Холодный, чёткий шёпот (касался висков ледяными иглами): «Наблюдение: субъект обладает сильной резонансной аурой. Идеальный катализатор для стабилизации периметра. Нужно закрепить. Сделать якорем. Якорем...»

2. Рык, от которого сжались мышцы живота (исходил будто из-под рёбер):«Новая! **НОВАЯ КОСТЬ В КОЛЛЕЦИЮ! РАЗОБЬЁМ И ВСТАВИМ В СТЕНУ! ИХ ВСЕХ НАДО В СТЕНУ!**»

3. Плач, щемящий, детский (отдавался ноющей пустотой в груди):«Не смотри... не смотри на лица... они под масками... под масками пустота... а в пустоте мама... но это не мама...»

4. И, наконец, голос, от которого остановилось сердце. Усталый, печальный, её собственный голос два года назад, если бы он треснул. «Лета? Маленькая сестра Магического Круга Эмбера... Ты пришла посмотреть мои сокровища? Смотри, какая прелесть... я их нашёл в самой глубине. Там, где боль становится... красивой».

Личность. Искажённая, распавшаяся, но узнаваемая. Голова бывшего эмбера двигалась быстро, создавая ауру большого количества личностей, раздирающих душу и тело, пространство пульсировало вокруг нее. Его безумие, его коллекция ужасов – гигантский, голодный магнит. Дар эмбера исказила аномалия, он почувствовал ее во время битвы, но стал ее частью.

Страх превращения накрывал Лету с головой, она увидела себя на его месте
«Я не стану такой. Я не стану такой», – забилося, как перепуганная птица, её сознание.

Но измененное пространство уже отвечало. Слизистая ткань вокруг сгустилась, обретая форму. Из стен вытянулись бледные, фосфоресцирующие конечности – не руки, а их пародии, соляные сталактиты, сломанные в суставах, тянущиеся к ней. Отражение его сломанной воли.

Она переживала свои воспоминания заново, но через призму его искажённого восприятия. Прекрасная, хрупкая музыка уничтожения, которую он слушал, затаив дыхание, а в голове детский голос плакал, но ему уже нравилось, нравилось... Металлический привкус других воспоминаний, заполонявших её взор, стал сладким, как мёд. Цветение язв на коже товарища – фейерверком из плоти и стали, завораживающим спектаклем. И её собственная рука, держащая кинжал, вдруг захотела прикоснуться, вскрыть, посмотреть, что цветёт внутри.

– Лета-а-а, ты нужна мне, – рычание Зверя пронизывало остальные голоса.

– Не надо, пожалуйста, не надо, – всхлипывал Ребёнок где-то глубоко в ней самой. – Это больно. Это будет больно всегда».

Это было хуже любой пытки. Её не ломали. Её образовывали. Учили видеть красоту там, где была только боль, наслаждаться патологией реальности. И самое ужасное – где-то в глубине, в самом тёмном уголке её измученной души, щупальца этого нового понимания находили отклик. Ведь она тоже всегда видела порядок в хаосе, искала причину в аномалии.

Перед её мысленным взором, на фоне соляного сердца, возникали образы. Не воспоминания, а проекции:

– Артем, каким он был: с усталой улыбкой, протирающий линзы очков. Добрый. Умный. Её наставник.

– Артем сейчас: его лицо, наполовину сросшееся с мутированной местностью, улыбается той же усталой улыбкой, но в глазах – калейдоскоп: в одном зрачке – холодный расчёт, в другом – безумный восторг, а на смену им приходит детская обида. Он протягивает ей руку, и это уже не рука, а сrostок пальцев и сталактитов. «Здесь твоё место. Рядом со мной.»

Лета закричала. Звука не было, но её сущность выла от ужаса, отторгая это будущее, эту родственность. Она отшатнулась, но тягучая плоть Шрама не отпускала, она обнимала, принимала, уговаривала. С каждым ударом пульса Шрама, с каждым новым «экспонатом», который он ей показывал, граница между «отвратительным» и «прекрасным» становилась всё тоньше. Скоро она перестанет видеть разницу. Скоро она сама станет куратором этого ада.

Она чувствовала, как её «я» – Лета, эмбер, человек – начинает трескаться по тем же линиям, что и он. Вот зарождается холодный наблюдатель, фиксирующий процесс собственного распада. Вот пробивается ярость на весь мир, оставивший её здесь. А где-то в самой глубине... плачет маленькая девочка, которая просто хотела лечить людей.

Она уже почти не сопротивлялась потоку. Ее тело лежало на земле, опутываемое цепкими лианами пространства.

Из теней скал возник силуэт, словно сам был их частью. Высокий, закутанный в плащ из шкур, с которых давно стёрся любой цвет, кроме грязи и пепла. Лицо скрывал кусок ткани, открывая только глаза. В них – ни ярости, ни страха. Равнодушная, выжженная пустота.

Странник сливался с окружающим миром и наблюдал как с очищенной зоны прорвались монстры, весьма необычное явление. Пространство захлопнулось за хрупким эмбером, но оставило источать еле заметные синие нити, вход в пространство был еще открытым, значит он могу туда попасть.

Он услышал в ней слабый, надрывный ритм – не сердцебиение, а ритмичную пульсацию искажённого поля. И увидел два тела. Одно – сросшееся с аномалией, уже неживое, но всё ещё излучавшее волны безумия. Другое – в паре шагов, сжатое в комок, с тихим прерывистым дыханием. Аномалия перешла в латентную фазу, питаясь от живого сознания, в неё затянутого.

Если оставить – шрам вызреет заново, став в разы опаснее и женщина станет его новым ядром, как тот, что врос в него.

С грубым лязгом он вытащил из-за пояса флакон, окованный потускневшей медью. Внутри булькала чёрная, вязкая субстанция. «Жгучая Слюна» – дистиллят ярости аномального зверя, убитого в пещерах под Разломом. Не лекарство. Прижигание для души.

Он перевернул Лету на спину, железной хваткой зажал её челюсть, заставив рот открыться. Она не сопротивлялась – её тело было пустой оболочкой, разум утонул в вихре чужих голосов.

Тело Леты выгнулось в немой судороге. Из её горла вырвался не крик, а хриплый, шипящий выдох, будто из неё выпустили пар. По венам на шее и руках побежали чёрные, извивающиеся тени – не кровь, а выжигаемая магическая связь. Её кожа покрылась испариной с запахом озона и горелого волоса.

Странник отшвырнул склянку, крепко схватил её за плечи и, упираясь сапогами в землю, рванул на себя. Раздался звук, похожий на рвущуюся паутину из стальных нитей. Невидимые щупальца Шрама, всё ещё цеплявшиеся за её астральное тело, лопнули. Держа ее хрупкое тело на плече, свободной рукой он отрубил остатки безжизненных лиан, тянущихся к ней.

Он оттащил её на безопасное расстояние, бросил на камни как тюк. Она дышала теперь часто и поверхностно, как раненая птица, глаза закатились, но в них больше не было пустоты небытия. Была боль. Чистая, животная, яростная боль, приковывающая к реальности.

– Спасибо, – Лета приоткрыла глаза. Незнакомец постоял над ней секунду, его пустой взгляд скользнул по её лицу, задержался на зажатом в кулаке осколке чёрной соли. Потом развернулся и растворился между скал так же внезапно, как и появился.

Она металась без сознания, а голоса пульсировали, один сменяя другой: «Горит... внутри всё горит...» – звенел вокруг детский плач. И сквозь этот вихрь прорвалось новое чувство – огонь в жилах. Чужой, яростный, выжигающий. Он не был частью Шрама. Он был грубым, физическим насилием над её сущностью. Она теряла последние краски себя.

И тогда, в самой глубине этого ада, вспыхнул образ. Не яркий, не громкий. Тёплый. Устойчивый. Руки. Женские руки. Не идеальные. С коротко остриженными ногтями, с давней тонкой шрамовиной на указательном пальце. Они замешивали тесто в грубой деревянной миске. Движения были ритмичными, уверенными, усталыми. Лета- маленькая девочка помнила только эти руки, эту миску, летающую муку. И запах. Кисловатый, тёплый, бесконечно успокаивающий запах закваски и будущего хлеба. Ее лицо было нечетким, немного искаженная улыбка матери застыла во времени, ее лицо было обезображено при жизни с застывшим лицом, но глаза всегда были наполнены любовью, которую она безгранично дарила своим детям.

Это был всплеск самой крепкой, самой несокрушимой памяти – памяти о тихой, спокойной жизни. Руки месили. Мука оседала. Будет хлеб. Будет завтра. Лета (её распадающееся «я») ухватилась за этот образ, как утопающий за соломинку. Она начала вспоминать вокруг него.

– Мама, – образ улыбался ей.

Холодный голос Артема слабел, теряя связь. Рык зверя стихал, отдаляясь. Детский плач... он смешивался с её собственным, внутренним плачем, и постепенно затихал, укачанный ритмом тех самых рук. Она не «вырвалась» из Шрама. Она перестала в нём тонуть, потому что нашла под ногами дно. Дно из своей собственной, выстраданной любви.

Очнулась она от кашля. Горло обожжено, каждый вдох резал, как битое стекло. Тело ломило так, будто его переехало колесо катапульты. Она лежала на холодном камне.

Утренний туман над цитаделью был не белым, а грязно-серым, словно его выдохли стены, пропитанные отчаянием. На платформе стоял Геррик, казначей, тощий, с лицом, вечно подёрнутым зеленоватой бледностью человека, который считает чужие жизни в медяках. Перед ним,

под охраной солдат в потёртых синих мундирах, толпилась партия «новоприбывших» – человек тридцать. Их пригнали с ночным обозом Сборщиков.

Это не были пленные солдаты. Это были выжившие. Семьями, поодиночке. С землистыми лицами, в лохмотьях, пахнущие дымом сожжённых домов и страхом. Они смотрели на Геррика пустыми глазами – в них уже не было сил на ужас, только апатия ожидания удара.

Рядом с платформой, делая вид, что любителю на мрачную архитектуру бастионов, стоял посол Яромир. Высокий, статный мужчина лет сорока, в дорогом, но практичном кафтане из тёмно-зелёного сукна, отороченном соболем. Его лицо было выбрито, волосы аккуратно подстрижены – немыслимая роскошь в этих краях. Он курил длинную трубку с ароматным табаком (ещё одна диковина), и его спокойный, наблюдательный взгляд скользил по процедуре, запоминая каждую деталь.

– Слушайте приговор Совета по Восстановлению! – прокричал Геррик хриплым голосом, разворачивая свиток. Голоса у него не было, но процедура была отработана. – В силу чрезвычайного положения и во имя выживания Империи, все физически способные подданные направляются на службу! Осмотр!

К платформе подошли два «оценщика»: старый цирюльник-костоправ и молодая женщина с острым, бесстрастным лицом – эмбер-диагност низкого уровня. Они начали щупать мышцы, заглядывать в зубы, поднимать веки.

Процесс шёл быстро и безэмоционально:

– Крепкий подросток, лет пятнадцати: «Стабильный пульс, эфирный фон в норме. В подготовительную школу эмберов. Может согдиться.»

– Девушка, лет двадцати, с жилистыми руками: «Выносливая. На кирпичные заводы или в шахты. Вторая категория работ.»

– Мужчина средних лет, кашляющий: «Лёгкие повреждены дымом. Силы мало. На сырьё.»

– Старик, едва стоящий на ногах: «Износ полный. На сырьё. В первую очередь.»

Слово «сырьё» произносилось так же буднично, как «дрова» или «зерно». Тех, кого отмечали этим словом, отдельный стражник грубо отводил в сторону, к зарешеченному проходу в подземелье. Оттуда тянуло знакомым смрадом дегтя, кислоты и чего-то сладковато-гнилого.

Яромир, выпуская колечко дыма, едва заметно поморщился. Не от жалости – от оценки эффективности. «Рационально. Беспощадно. Но порождает ненависть. Слабое место» – промелькнуло у него в голове.

Именно в этот момент из замка вышла Ксения. Не в парадных одеждах, а в том же тёмном, запачканном камзоле, с руками, на которых засохли бурые пятна. Она пересекла двор, направляясь к казармам. Но, увидев Яромира и процедуру, остановилась. Её взгляд встретился с взглядом посла. В нём не было ни смущения, ни оправданий. Это была её реальность.

Геррик, завидев Императрицу, засуетился. Но Ксения жестом велела ему продолжать.

– А этих куда? – вдруг громко спросил Яромир, указывая трубкой на небольшую группу, отделённую от всех. Там были люди с явными, но стабильными мутациями: у одного кожа покрыта рыбьей чешуёй, у женщины вместо волос шевелились тонкие, похожие на усики растения побеги. Их сторожили не просто солдаты, а люди в кожаных фартуках – помощники из «Кутузки».

– Образцы, – коротко ответила за Геррика Ксения, не отводя взгляда от посла. – Мутации устойчивые, неагрессивные. Представляют интерес для изучения. Возможно, из них можно вывести полезные свойства. Или... выкачать остаточную магию для нужд обороны, лекарства.

Она говорила это намеренно откровенно, даже цинично. Демонстрация силы через отсутствие стыда. «Видишь, как глубоко мы зашли? Мы не скрываем свою жестокость. Мы её институционализировали. Слабая держава прячет свои язвы. Сильная – делает из них оружие»

Яромир медленно кивнул, как бы принимая информацию. В его глазах промелькнул интерес, похожий на тот, с которым смотрят на опасного, но ценного зверя.

– Прагматично, – произнёс он, растягивая слова. – В Арконе таких... образцов... сжигают на кострах Святой Инквизиции. Как скверну. Ваш подход... оригинален.

– Кострами сыт не будешь, – парировала Ксения. – А из скверны иногда можно выпарить соль. Или яд. И то, и другое в дефиците.

В этот момент из прохода в подземелье выкатили тележку, гружённую большими глиняными кувшинами, запечатанными воском и смолой. С тележки неслись тихие, булькающие звуки и тот самый сладковато-гнилой запах. Это было «сырьё» высшей очистки – концентрат, приготовленный из предыдущих партий. Тележку повезли в сторону Зверинца – низкой, мрачной постройки за стеной, откуда доносилось глухое, не то рычание, не то скрежет камня.

– Для питания прирученных стражей? – уточнил Яромир, следя за тележкой взглядом.

– Для поддержания их жизнеспособности, – поправила Ксения. – «Приручение» – слишком сильное слово. Мы находим с ними... взаимовыгодный режим сосуществования. Они получают пищу. Мы – их способность чувствовать шрамы за версту.

Она сделала паузу, давая послу понять всю глубину чудовищного симбиоза, на который пошла её империя.

– Но конечно, – добавила она, и в её голосе впервые прозвучала лёгкая, ледяная язвительность, – методы Арконы куда благороднее. Очищение огнём. Просто и душевительно. Жаль только, что пепел аномалий потом ветром разносит и отравляет почву на десять вёрст вокруг. У нас, знаете ли, и без того пахотной земли мало. И мы сдерживаем их распространение.

– Каждая держава идёт своим путём в эти тёмные времена, – произнёс он дипломатично, но их земли действительно уже начинали заражаться неизвестной скверной. – Возможно, стоит объединить опыт. Силу Арконы... и изобретательность Вашего Величества.

– Возможно, – сухо согласилась Ксения, давая понять, что разговор окончен. – Но для начала, посол, вам стоит завершить свой осмотр. Мы не только «сырьё» добываем, но и хлеб печь ещё не разучились. Скучный, но свой.

«Она не просто выживает. Она конструирует ад, кирпичик за кирпичиком, и называет это необходимостью. Она либо гений, либо уже безумна. И то, и другое делает её опаснее, чем я предполагал. Брак с нашим князем её не укротит. Её нужно либо убить, очень скоро... либо нам придётся иметь дело с империей, построенной на костях и выкачанной боли. И какая из этих империй в итоге окажется сильнее?»

Он посмотрел на тележку, скрывающуюся в воротах Зверинца, на детей, которых уводили в школу эмберов (школу, которая больше походила на казарму), на стариков, которых толкали в тёмную пасть подземелья. И впервые за всю свою дипломатическую карьеру Яромир, посол Священной Арконы, почувствовал не презрение, а леденящий уважительный страх.

Лета медленно открыла глаза, холодный ветер привел ее в чувство.

– Живой, – Лета уже хотела выйти из укрытия, осторожно поднимая голову из-за травы, – будем брать? Он старый, – остановил ее разговор. Уборщики подходили к ещё живому старику, который бормотал что-то, тыча в них пальцем, один подошел и насильно влил в него пузырек. Тело обмякло. Его поволокли к телеге. Лета не знала, но её охватил леденящий ужас на спасение было не очень похоже

– На корм или переработку пойдет, – ответил капитан отряда.

– Корм?! – глаза Леты округлились от удивления и страха.

И в этот момент усыпляющий газ добрался и до нее.. Волна свинцовой апатии накатила на мозг. Воля растворилась. Ноги подкосились. Она рухнула на колени, кинжал выскользнул из онемевших пальцев. И тут же из-за обломка гранитной колонны на неё набросилось то, что не уснуло. Мелкое, юркое, покрытое хитиновыми пластинками, с щупальцами-проволочками –

тварь, чья нервная система оказалась невосприимчива к химикату. Она увидела в Лете лёгкую добычу.

Лета застыла, парализованная двойным ударом – ядом Империи и правдой о ней. Холодные, цепкие шупальца уже обвивали её лодыжку, впиваясь в кожу.

Меч с односторонней заточкой, больше похожее на тесак мясника – с такой силой вонзился в тварь, что пригвоздил её к земле, раздавив в месиво хитина и слизи с глухим хрустом. Странник вырвал оружие, одним движением отшвырнул ещё дёргающиеся остатки в перламутровую пелену.

Он стоял над ней, залитый фантомным светом тумана, огромный и безмолвный, как гневная тень самой земли. Потом наклонился. Грубо схватил её за подбородок жёсткой, в шрамах и мозолях ладонью, заставив поднять голову. Их взгляды встретились.

В его глазах, впервые так близко, она увидела не пустоту. Она увидела знание. Знание всей этой мрачной, бездушной жути, этой систематизированной грязи. Знание того, что Империя, чей значок она носила в потайном кармане, творит в тишине, между громкими «подвигами» по усмирению шрамов. И в этом знании не было осуждения для неё.

Лета не была бойцом. Она была инструментом, созданным, чтобы чувствовать боль мира и тихо укладывать её спать.

Он, не разжимая пальцев, рывком поднял её, схватил под мышку, как тюк, и побежал к скальному выступу, где уже клубился самый густой туман. Прижал к холодному камню, грубой ладонью с запахом кожи, дыма, дегтя и чужой крови закрыл ей рот, и пальцем другой руки указал вниз, в жёлтый круг керосиновых фонарей, закреплённых на поясах Сборщиков.

Двое Сборщиков в своих герметичных костюмах, похожие на неуклюжих хищных жуков, уже тащили к фургону связанных верёвкой детей. Мужчину с алебардой скрутили и бросили в грязь – он бился в немой истерике, давясь собственным криком.

Один из Сборщиков, схватил женщину и затащил в тень обломка. Её крики стали приглушёнными, рваными.

– Хороша, девка, – пробурчал тот же Сборщик, вылезая и поправляя респиратор, – как берёза. Следующий.

Надсмотрщик в медной бляхе уже составлял список на потрёпанной глиняной табличке, когда из-за гребня развороченной насыпи послышался конский топот.

На дорогу выехало семеро всадников. Не солдаты. Их одежда была пёстрой лоскутной смесью кожи, меха и ржавых доспехов. Лица скрывали маски из грубой холстины с прорезями для глаз. На поясах – кривые сабли, за спинами – самодельные арбалеты. Их кони, низкорослые и выносливые, фыркали, чуя запах «Усмирителя».

Отряд Сборщиков замер. Солдаты у фургона нехотя опустили руки на рукояти мечей, но без особой агрессии. Это была рутина. Всадники остановились в десяти шагах. Впереди ехал их главарь – широкоплечий, с седыми прядями волос, выбивающимися из-под маски.

– Капитан Грот, – хрипло поздоровался он, кивнув надсмотрщику. Его голос был простуженным и бесцветным. – Урожай собираете?

Надсмотрщик – капитан Грот – снял респиратор, показав то самое усталое, незлое лицо мелкого чиновника.

– Ренн, – кивнул он в ответ. – Стандартный обход.

Ренн, главарь Жнецов, медленно оглядел «урожай»: связанных детей, сломленного мужчину в грязи, безучастную женщину.

– Детей на перековку в солдаты? – уточнил он, без интереса.

– Мальчишку – да. Девчонку... посмотрят. Может, в служанки, может, тоже в строй, если крепкая окажется. Мужика – на рудники. Отработает свой век, если лёгкие от пыли не откажут.

– А баба? – Ренн ткнул подбородком в сторону женщины.

Грот пожал плечами.

– Хороша девка, – улыбнулся сборщик, – На работу не годна. На сырьё – слишком жива ещё, возни много.

Между мужчинами повисла тягучая, деловая пауза. Ветер шелестел сухой травой.

– Мне баба нужна, – сказал Ренн наконец. – И мужик тоже. У меня на западе один посёлок совсем обезлюдел. Рабочие нужны

Грот потер переносицу, делая вид, что раздумывает. Всё это был спектакль, и оба это знали.

– Бабу бери, не жалко, – пробурчал он. – А мужик в списках уже. На рудники. Его списать – отчётность портить. Неудобно.

– Три серебряных монеты арконской чеканки, – тут же отозвался Ренн. – И бутылъ зернового самогона, что не пахнет серой. За пару.

Грот не удивился предложению. «Жнецы» знали, что нужно командирам на границах: твёрдая валюта для чёрного рынка и выпивка, чтобы забыть эту службу.

– Пять монет, – сказал Грот. – Мужик крепкий, ещё лет двадцать отработает. И бабу в придачу даю. Детей не отдам, не могу совсем пустой вернуться

Ренн фыркнул, но кивнул. Торг был формальностью.

– Четыре монеты, самогон и... – он сделал паузу, – ...шкуру того медведя-призрака, что вы в прошлый раз в Роще завалили. Слышал, шкура светится в темноте. Модникам в столице продадим. Но с тебя еще пара крепких людей через неделю.

На лице Грота мелькнула тень недовольства. Шкура аномального зверя была ценной добычей, которую он надеялся сбыть лично. Но пять арконских серебряников были серьёзным аргументом.

– Ладно, чёрт с тобой, – сдался Грот, махнув рукой.

Он сделал знак своим. Солдаты, не задавая вопросов, оттащили мужчину к лошадям Жнецов. Двое всадников спрыгнули, грубо подхватили женщину, которая не оказала ни малейшего сопротивления, и перекинули её через седло, как мешок.

Ренн выудил из-за пазухи потрёпанный кожаный мешочек, отсчитал четыре тусклых, но тяжёлых серебряных монеты и протянул их Гроту вместе с плоской флягой. Грот взвесил монеты на ладони, открутил пробку, понюхал и мотнул головой – дескать, товар качественный.

– Шкуру к следующему полнолунию к перевалу доставлю, – буркнул Ренн, уже разворачивая коня.

– Смотри не опоздай, – безразлично бросил ему вслед Грот. Он уже прятал монеты во внутренний карман.

Он даже не смотрел, как Жнецы уводят свою «покупку». Для него это был просто удачный день: выполнил план по «сбору», избежал лишней бумажной и получил звонкую монету в карман.

А женщина, болтаясь через седло, смотрела тусклыми глазами на удаляющуюся спину капитана Грота.

Странник встал, посмотрел на Лету, и пошел прочь, Лета, еще приходила в себя от увиденного, молча направилась за ним.

В ту ночь в низкой, но уютной пещере она не пыталась говорить. Она сидела, обхватив колени, и смотрела в огонь из сухих корней, который он развёл. Он сидел напротив, точил свой меч на мелком камне. Молчание между ними было уже не пустым, а насыщенным правдой, которую он ей вбил, и долгом, который она всё ещё носила в себе, но который теперь треснул, обнажив гнилую сердцевину.

Он сидел у потухающего костра, точа лезвие о камень. Методично, без суеты. Лета подобралась ближе, обняв колени, заглянула ему в глаза.

– Мне нужно вернуться., – Камень замер в его руке. Он не поднял головы, – Хотя бы в наш Круг Эмбера. К нашим мастерам Им нужно рассказать про аномалии, что они меняются. Что методики устарели.

Он медленно опустил точильный камень и повернулся к ней. В его взгляде не было ни удивления, ни протеста. Лишь глубокая, усталая осведомленность.

– Если они не поймут – умрут другие, -он медленно, почти невесомо, кивнул. Один раз. В этом кивке было всё понимание и вся безнадежность её плана. Странник поднялся, накинул плащ и вышел в ночь – не для того, чтобы уйти. Чтобы дать ей пространство для решения.

А утром, когда первый сизый свет прокрался в пещеру, Лета оглядела пустую пещеру: его не было, только на камне у потухшего очага лежал её кинжал, отполированный до зеркального блеска, и небольшой кусок жаренного мяса с зелеными съедобными листьями, еще наполненными запахом дыма и полыни. Она сжала кинжал в ладони, почувствовав холод металла и остаточное тепло камня. Он не остановил её. Он сделал для неё всё, что мог – дал выбор и оставил знак. Лета вдохнула полной грудью и вышла из пещеры, навстречу серому рассвету и долгой дороге к тому, что когда-то было домом.

Лета вернулась в «Северное Гнездо» – не героем, а призраком. Её доклад о «разумном Шраме», о превращении Артема Шторма и о методичной работе Сборщиков был заслушан в палатке коменданта. Капитан Кроу слушал, уставясь в стенную карту, и курил дешёвую трубку. Когда она закончила, в палатке повисло молчание, нарушаемое только тиканьем полкового хронометра и отдалённым лязгом лопат о камень.

– Фантазии усталого ума, эмбер Свон, – наконец сказал Кроу, не оборачиваясь. – У шрамов нет «разума». Есть паттерны. У «Сборщиков» – приказ и нормы выработки. Ваша задача – давать техническое заключение по эфирным остаткам, а не сочинять страшилки для новобранцев. Ясно? Понятие «боевой дух» для меня не пустой звук.

Её рапорт положили в папку «С» – «Сомнительные». Система не жаждала правды. Она потребляла функциональные единицы данных, как паровая машина – уголь. Капитаны не в первый раз видели искаженные души и тела эмберов, они пропускали магию территорий сквозь себя, и смерть – была самым лучшим для них, чем разрушение души.

Лета, пустив голову вышла, и направилась в столовку, она заметила куда отправился ее отчет, хорошего это сулило мало, и хорошо если просто ее отправят к своим, где она будет архивариусов или помощником магистров. О худшем она не знала, о таком не говорили, они просто исчезали: «Может на опыты и сырье, как все остальные?» – промелькнуло у нее в голове.

Именно в этот момент с вала донесся гвалт, смешанный с лязгом цепей и грубыми воплями. В периметр лагеря, спотыкаясь о канаты, втащили пленного незнакомца. Лета отставила глиняную чашку с чаем из сушеных ягод и вышла посмотреть.

На центральную грязную площадку базы втаскивают Странника. Он не бьётся. Его ведут, почти несут, его лицо – маска спокойствия. Лета не понимала, что делать, он на секунду остановился взглядом на ее глазах.

– Да, взяли Призрака. На границе Роши, – Один из солдат, отряхиваясь от пыли, прохрипел на всю площадку, обращаясь к старосте базы, – подставили ему утопающих, сволочь повелся. Окурили спорами Тишины – и он как пьяный стал. Но гад ещё успел Грота ножом с отравой ткнуть!

За ним, на самодельных носилках из плащей и жердей, занес капитана Грота. Лицо капитана искажено не болью, а тихим, леденящим душу ужасом. Его правая рука, от локтя до кончиков пальцев, выглядит так, будто её вырезали из чёрного обсидиана и приставили к живому телу. Кожа не гнила, а каменела на глазах, и этот процесс с мерзким шелестом полз вверх по плечу.

– Капитана – к знахарям, пусть смотрят, пока не отсохло всё, – командовал Бортон. Лета побежала за ними к знахарям.

– В клетку к остальным его.

Вонь в лазарете-бараке была плотной и сложной: хлорка, гной, сушёные травы и под ними – сладковатый, тошнотворный запах гниющей плоти. Капитана Грота уложили на грубый стол. Его окаменевшая рука лежала рядом, как чуждый, чёрный артефакт. Два знахаря, лица, закрытые тряпичными повязками, суетились вокруг. Один лил на кожу у плеча какой-то едкий отвар – жидкость шипела, но чернота не отступала, лишь замедляла свой чудовищный рост на волосок.

Лета стояла в дверях, затерянная среди любопытных и дежурных солдат. Она видела, как старший знахарь, мужчина с умными, усталыми глазами, отложил скальпель и вздохнул, обращаясь к сержанту Варгановых людей:

– Не знаю. Это не гниение. Это... трансмутация. Плоть превращается во что-то иное. Яды дикой магии. Без оригинала противоядия или точного названия растения-источника... мы можем только замедлить. Не остановить. Через день оно дойдёт до сердца, и капитан превратится в статую из этой... субстанции.

В голосе его была не растерянность, а холодное профессиональное признание поражения. Система дала сбой. Незвестный фактор.

«Его клинок. Он знает,» – Мысль пронзила Лету, как ток. Она отступила от дверей, её разум лихорадочно работал. Нужно было заставить его говорить. Но как? Её слово здесь ничего не стоило. Лета выбежала и быстро направилась к Бортону. Бортон – начальник охраны базы. Не жестокий по натуре, но закостенелый служака, для которого приказ и эффективность – закон. Он сидел в своей конуре, разбирая рапорты, когда в дверном проёме возникла бледная, исхудавшая девушка в сером – эмбер.

– Господин Бортон, – голос Леты звучал ровно, хоть внутри всё сжималось. – Пленник. Тот, что ранил капитана. Он знает, какой яд. Это был его клинок.

Бортон поднял на неё тяжёлый взгляд. – И?

– Можно я поговорю с ним. Пока не поздно для капитана. Думаю такие как он не носят пропитанное оружие с ядом без противоядия, – Лета сжимала руки, – знахари не знают, что с ним, нужно название яда.

Бортон отложил перо, потер переносицу. Капитан Грот был его старым знакомым, не другом, но своей костью. И потерять его из-за молчания какого-то дикаря... это било по репутации, по порядку. И по карме, в которую Бортон тайно верил.

– Логично, – буркнул он, поднимаясь. – Пойдём. Попробуем разговорить.

Клетки были просто вырытыми в земле углублением, накрытым решёткой из сырого дерева. Странник сидел на корточках внизу, в грязи среди остальных пленных, собранных на передачу в столицу. Он даже не взглянул на них, когда они подошли.

– Эй, дикарь! – крикнул Бортон, ударив ногой по решётке. – Ты слышал? Капитан помирает. Говори, что за отравка, и будет тебе легче.

Странник не пошевелился. Тишина была гуще грязи.

– Помогите нам, пожалуйста, – Лета присела на корточки, стараясь поймать взгляд Странника. – Послушай. Они не смогут помочь. Только ты. Скажи, что за яд. Хоть название.

Её тихий, лишённый угрозы голос, казалось, достиг его. Он медленно поднял голову. Его глаза, обычно острые и живые, теперь были пусты, как у пойманного зверя, который уже смирился с капканом. Он посмотрел на Лету, потом на Бортон. И снова опустил голову. Молчание.

Он выбрал молчание как оружие. И это молчание взбесило Бортон больше, чем любые оскорбления.

– Ладно, – сказал начальник охраны, и в его голосе появилась стальная жила. – Значит, так. Вытащить его. В мою палатку. Приковать к стойке. Разговор будет приватный.

Лета почувствовала, как у неё похолодели руки. «Приватный разговор» на таком языке имел один смысл.

– Скажи им, – Лета шла рядом, ее глаза наполнялись слезами, – просто название, они оставят тебя в живых, я поговорю с капитаном.

В палатке Бортона пахло кожей, потом и металлом. Странника, со скрученными за спину руками, привязали, растянув между столбами, на которых держалась палатка. Он стоял, слегка наклонившись, всё так же безразличный.

– Женщины, они все душевные, – Бортон снял форменный жакет, аккуратно повесил его на спинку стула. Он был методичен. Он подошёл к Страннику, – если не ее таланты, я бы не брал таких, им не место на войне, – странник молча смотрел на Лету сквозь Бортона, слезы тихо стекали по ее щекам, – Последний шанс. Название. Растение. Где искать противоядие.

Бортон вздохнул, разочарованно, будто делал неприятную, но необходимую работу. И нанёс первый удар. Не в лицо – в солнечное сплетение. Глухой, тяжёлый звук. Странник выдохнул весь воздух, согнулся, насколько позволяли кандалы.

Лета стояла у входа, не в силах отвести взгляд. Она видела, как напрягаются мышцы на спине Бортона, как методично, без злобы, он наносит удар за ударом – по рёбрам, по почкам. Не кричал, не орал. Просто работал. Иногда повторял вопрос. Ответом было лишь хриплое, прерывистое дыхание Странника и стук его тела о железную стойку.

Это было страшнее любой ярости. Это была машинальная жестокость системы, давящая сопротивление просто потому, что оно есть. Капитан умирал, протокол не сработал, и теперь этот механизм – Бортон – пытался силой выбить из человека нужную информацию.

Странник не кричал. Он только кряхтел, захлёбываясь воздухом после особенно сильного удара. И в какой-то момент, когда Бортон остановился, чтобы перевести дух, Странник поднял голову. Его губы были в крови, один глаз заплывал. Но он посмотрел прямо на Лету, стоявшую в тени, и голова его свисла от потери сознания.

– Упрямый сукин сын, – Бортон вытер лоб, сплюнул, Ладно. Пусть подумает до утра. Очнется – поговорим снова. С горячими щипцами.

Стол накрыт скудно: чёрный хлеб, солёная рыба, тушёная чечевица и кувшин разбавленного кислого вина с нескрываемым презрением рассматривал Варфоломей.

– ...и потому, Ваше Величество, союз наших держав виделся бы моему князю не просто политическим актом, – вёл свою партию Яромир, разминая в пальцах кусок хлеба, – а слиянием двух принципов: вашей... практической устойчивости и нашей духовной стойкости. Брак лишь скрепил бы узы.

Ксения отпила вина, не глядя на него. Её взгляд был прикован к пламени свечи в простом железном подсвечнике.

– Моя устойчивость, посол, держится на том, что я не делю трон, – сказала она ровно. – Делить власть – значит проявлять слабость. А слабых здесь съедают. Причём в самом буквальном смысле.

Геррик крякнул, чуть не поперхнувшись чечевицей.

– Сила, лишённая благословения и высшей цели, есть сила тирана, обречённого на падение, – раздался новый, сухой и резкий голос, как скрип ржавых петель. Говорил брат Варфоломей. Он не притрагивался к еде, только пил воду. – В Арконе мы очищаем землю огнём и молитвой. Мы не торгуемся с чумой.

Ксения медленно перевела на него взгляд. В её глазах не было гнева, лишь холодное любопытство, с каким рассматривают опасный, но интересный экземпляр.

– Ваши деревья уже горят странным, зелёным пламенем и не дают тепла, только ядовитый дым. Ваше очищение отравляет то, что должно кормить ваших детей.

Варфоломей не смутился. Его глаза загорелись ещё ярче.

– Это испытание! Знак, что скверна глубока! Но мы не отступим. А вы... – он ткнул костлявым пальцем в сторону, где в общих чертах находились её лаборатории, – ...вы копаетесь в этой скверне, как черви в падали. Вы растите мутантов в своих подвалах и говорите о «ресурсах». Вы забыли Бога и здравый смысл.

Яромир слегка нахмурился. Фанатик полез слишком далеко, слишком прямо. Но он не стал его останавливать. Пусть пробьёт брешь.

– Здравый смысл, брат, – сказала Ксения, поставив кубок, – это когда у тебя за стенами голодная орда тварей, а в погребах – пусто. И ты выбираешь: умереть чистым или выжить грязным. Я выбрала выжить. А Бог... – она сделала маленькую паузу, – ...Бог, судя по всему, покинул этот мир в день Крушения. И оставил нам на растерзание его обломки. Молиться теперь можно только силе. И порядку.

– Порядку?! – Варфоломей вскипел, ударив кулаком по столу. Посуда звякнула. – Какой порядок в том, что ваши солдаты, как мне доложили, торгуют пленными с бандитами на дорогах? Какой порядок в том, что вы обращаете людей в «сырьё»? Это не порядок! Это ад, выстроенный по бюрократическим лекалам!

Тишина повисла густая, как смог. Геррик побледнел. Яромир замер, оценивая реакцию Ксении. Это была атака на самое уязвимое – на её контроль над системой.

Ксения не двинулась. Она смотрела на Варфоломея, и по её лицу скользнула тень чего-то, что можно было принять за улыбку, если бы в ней не было ни капли тепла.

– Вы хорошо осведомлены, брат, для духовного лица. – Её голос стал тише, острее. – Да, система, которую я строю, ещё не идеальна. В ней есть щели. Грязь течёт в этих щелях. Но знаете, что я сделаю? Я не стану замазывать эти щели золотом молитв. Я спущу в них расплавленный свинец. – Она отодвинула тарелку. – Господин Геррик.

Казначей вздрогнул.

– В-ваше Величество?

– Капитана Грота из «Северного Гнезда», того, что торговал с «Жнецами», – арестовать. Публично. Перед строем. Конфисковать всё незаконно полученное. А самого его... отправить для отработки новых методов конверсии органики в топливо. Пусть его подчиненные видят, во что превращается тот, кто крадёт у Империи. Даже если Империя – это грязь и кости.

Геррик кивнул, записывая дрожащей рукой. Лицо его было землистым.

Ксения повернулась обратно к Варфоломею.

– Видите, брат? Я не отрицаю грязь. Я её использую. Ваше очищение – это отказ, бегство. Моё – это переплавка. Даже предательство и воровство я превращу в кирпич для стены. Неблагодарный, кривой, но кирпич.

Варфоломей смотрел на неё, и в его фанатичных глазах впервые появилось нечто помимо гнева: недоумение перед чудовищем, которое он не мог классифицировать. Она не была еретиком в его понимании – она была чем-то иным, новой формой бездушия.

Яромир, наконец, вмешался, сглаживая конфликт:

– Сильные меры для сильных времён, Ваше Величество. Брат Варфоломей лишь... горячо переживает за души. Но, возвращаясь к вопросу союза... времени, как вы понимаете, мало. Слухи о ваших... затруднениях... уже разносятся. Наши разведчики докладывают о повышенной активности шрамов вдоль всей границы. Возможно, пора переходить от слов к делу. Мой князь ждёт ответа.

Ксения встала. Её тень от свечи легла на стену, огромная и не колышущаяся

– Зачем вашему могучему, благословлённому князю такое... убогое, грязное, прошитое скверной государство? Зачем ему я – женщина, которая копается в кишках мутантов и счи-

тает людей сырьём? По вашим меркам, я ведь и сама еретичка, достойная костра. Так? – Она посмотрела прямо на Варфоломея. Тот молча кивнул, его челюсти сжались.

– Нет, не ради земли, – продолжала Ксения, расхаживая теперь вдоль стола. – Земля здесь отравлена. Не ради ресурсов – их почти нет. Не ради славы – покорить руину невелика честь. Что же остаётся? – Она остановилась напротив Яромира. – Остаётся только страх. Вы боитесь не того, что я сделаю. Вы боитесь того, во что я могу превратиться. Или во что может превратиться то, с чем я веду свою грязную войну. Вам нужен не союз. Вам нужен контроль. Вы боитесь, что только я сейчас знаю, что делать с аномалиями, которая уже поглощает и ваши земли, и вы боитесь, что ты тоже станете моим ресурсом?

Яромир не ответил. Улыбка на его лице застыла. Она попала в цель.

– Так вот, господа, – Ксения выпрямилась, и её тон стал деловым, как у экскурсовода. – Раз уж вы так интересуетесь методами работы карантина, позвольте показать вам один из наших... экспериментальных активов.

Лицо Геррика исказилось гримасой чистого ужаса. «Зверинец», куда Ксения направлялась был местом, куда не пускали даже половину собственного совета.

– В-ваше Величество, но... протокол... нестерильные условия...

– Сейчас, Геррик.

Путь вниз, в каменное чрево цитадели, занял несколько минут, наполненных гнетущим молчанием. Воздух становился тяжелее, холоднее и начал пахнуть – скучной сыростью, хлоркой, железом и чем-то звериным, кислым. Наконец, они остановились перед массивной дверью из дубовых досок, окованных чёрным железом. Два немых стража в кожаных фартуках отодвинули засовы.

Посередине зала, за двойной решёткой из толстых железных прутьев, находился бассейн, заполненный не водой, а густой, мутной, перламутрово – переливающейся жидкостью. В ней плавало... нечто.

Это была аморфная масса, похожая на огромного червя, размером с телегу, цвета запёкшейся крови и тусклого серебра. Она пульсировала, и с каждым движением в её теле вспыхивали и гасли десятки мерцающих глазков, как у глубоководного создания. От неё исходил тихий, навязчивый гул, похожий на отдалённый рой пчёл, смешанный со скрежетом камня. Вдоль стен стояли медные трубы, по которым с перерывами капала в бассейн та самая чёрно-зелёная жижа – «сырьё».

– Это «Собиратель», – сказала Ксения, подходя к решётке. – Раньше это была аномалия в рудниках. Пожирал зазевавшихся шахтёров. Мы... переориентировали его. Кормим отходами, концентратом боли. Он – наш живой локатор. Лучший, чем десяток эмберов. – Она обернулась к гостям. Варфоломей стоял, белый как мел, его пальцы судорожно сжимали распятие. Яромир смотрел на тварь с таким же ледяным интересом, как и она сама. – Видите? Вот он – плод моей «ереси». Не молитва, не очищение. Симбиоз. Грязный, мерзкий, но рабочий.

Она сделала знак стражу. Тот взял длинный шест с крюком на конце, зацепил им ведро, стоявшее у стены, и вылил содержимое в бассейн. Это были окровавленные бинты, обрывки кожи с татуировками, обломки костей – отходы с перевязочного пункта и... с «сырья».

Масса в бассейне взволновалась. Из неё вытянулись десятки щупалец-псевдоподий, которые жадно облепили и начали втягивать в себя отбросы. Гул стал громче, почти мелодичным. Глазки вспыхнули ярче.

– Он ест память о боли, – пояснила Ксения. – И по этой памяти находит её источник. Новые шрамы, скопления тварей. Мы называем это «красным следом».

Варфоломей, наконец, заговорил, его голос был хриплым от ужаса:

– Это... мерзость! Нечисть! Её нужно уничтожить!

– Уничтожить? – Ксения подняла бровь. – Он только в прошлом месяце предупредил нас о вспышке в трёх деревнях. Мы успели эвакуировать половину людей. Неблагодарная поло-

вина, кстати, теперь пашет на наших полях. Он спас больше жизней, чем все проповеди вашей Инквизиции за год. Кто тут служит людям, брат?

– Нет... – наконец вырвалось у него хрипло. – Это обман. Дьявольский обман. Никакая польза не может оправдать такое! Души тех, кого он... ест... они в аду кричат! Я слышу! Я чувствую!

Он сделал шаг вперёд, к решётке, его лицо исказилось священным гневом.

– Откройте эту клетку! Во имя Отца, Сына и Святого Духа, я повелю этой твари рассеяться! Слово Господа сильнее вашей грязи!

Геррик ахнул. Стражи ухватились за оружие. Яромир потянулся, чтобы остановить монаха, но было поздно – фанатик уже в исступлении.

Ксения, уже почти у выхода, остановилась. Она обернулась. И на её лице не было ни раздражения, ни страха.

– Вы чувствуете? – переспросила она тихо. Её голос прозвучал в гулком зале звеняще чётко. – Интересно. Эмберы чувствуют боль шрамов. «Собиратель» чувствует эхо страданий в органике. А вы... вы чувствуете души?

– Я чувствую правду! – выкрикнул Варфоломей, ударяя себя в грудь распятием. – И она горит в моей груди! Вы все горите! Вся эта яма – вопль к небесам!

Ксения медленно кивнула, как будто что-то поняв.

– Горите... Вопль... – Она сделала шаг к нему. – Брат Варфоломей. Вы так уверены в силе своей веры. Что она может очистить любую скверну. Давайте проверим, – стражники схватили Варфоломея под руки

Она повернулась к одному из стражей.

– Принесите флакон «Эхо». Из партии высокой концентрации.

Яромир ледяным тоном вмешался:

– Ваше Величество, это переходит все границы. Он – духовное лицо...

– Он – доброволец, – парировала Ксения, не отводя глаз от монаха. – Он предлагает свою веру как антидот. Наука должна быть эмпирической. Мы проверим. Если его вера сильна – ему ничего не будет. Если же это просто слова... ну, тогда мы увидим, что происходит, когда неподкреплённая догма сталкивается с материей боли.

– Это что? Яд? – хрипел монах, вырываясь, глядя на флакон в руках Ксении

– Нет, – сказала Ксения, набирая в шприц густую, мерцающую фиолетовым и чёрным жидкость. – Это дистиллят. Концентрат не боли даже, а её... отпечатка. Эфирный слепок с одного из самых сильных шрамов. Мы называем его «Эхо Отчаяния». Обычно его каплю разводят в бочке воды для обработки инструментов. Но для чистоты эксперимента...

Она подошла к Варфоломею. Его глаза были полны страха

– Вы говорите, что ваша вера – щит. Докажите. Примите в себя малую толику того, с чем я борюсь каждый день. Если вы правы – вы почувствуете лишь лёгкий холод.

И, не дав ему ещё слова вымолвить, она влила ему в горло раствор.

Варфоломей замер. Сначала ничего. Потом он вздрогнул. Его глаза расширились. Он не закричал. Он завыл – тихо, протяжно, нечеловечески. Он не видел больше зала, Ксению, Яромира. Он видел вспышки: лица людей, разорванных аномалиями, искажённые в последнем крике; ощущал холод одиночества умирающего мира; слышал тот самый «вопл», о котором говорил, но теперь он был внутри него, раздирая его сознание.

– Нет... нет... Господи, спаси... так холодно... так много... лиц... – он бормотал, слюна текла по его подбородку.

Потом начались изменения. Кожа на его руках, сжимавших распятие, начала темнеть, не чернеть, а становиться серой, шершавой, как кора. Его пальцы скрючились. Глаза закатились, и в белках лопнули капилляры, заливая склеры кровью. Из его горла вырвался не голос, а скрежет, похожий на тот, что издавал «Собиратель».

Яромир отступил на шаг, лицо его наконец-то потеряло всю дипломатическую маску, обнажив чистый, животный ужас. Он смотрел, как человек превращается в *нечто* на его глазах.

Ксения наблюдала с тем же сосредоточенным интересом, делая мысленные заметки.

– Любопытно. Реакция немедленная. Его собственная психическая энергия, его «вера», стала катализатором. Он не борется с болью. Он принимает её как данность, как часть божественной кары... и это ускоряет процесс.

Варфоломей упал на колени. Его тело содрогалось. Изменения медленно, но неотвратимо расплзались от шеи.

– Остановите это! – наконец крикнул Яромир, голос его дрожал. – Он умрёт!

– Он уже мёртв, – спокойно ответила Ксения. – Как личность. Остаётся только оболочка. И она... может ещё пригодиться. – Она взглянула на стражей, – В клетку, кормить стандартным концентратом. Записывать все изменения. Возможно, мы получим новый тип биомагического сенсора. Более... тонко настроенного на «душевные муки».

Стражи, бледные, но дисциплинированные, подхватили корчащееся тело монаха и потащили прочь.

В зале воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь довольным гулом «Собирателя», уловившего новый, сочный импульс страдания.

Ксения вытерла руки о тряпку и повернулась к Яромиру. Её лицо снова было бесстрастным.

– Вы хотели понять суть моего правления, посол. Вот она. Я не играю в троны и браки. Вы можете бежать к своему князю и кричать о чудовище. Можете начать войну. – Она сделала паузу, и в её глазах вспыхнула та самая ледяная искра. – Но помните: теперь я знаю, что вера ваших людей – не защита. Это топливо. И если ваши легионы придут сюда, с молитвами на устах... я превращу их рвение в сырьё для новых «Собирателей». Ваш святой гнев станет кирпичом в моей стене. Вы мне не враги. Вы – потенциальный ресурс, – Она развернулась и ушла, на этот раз окончательно.

Яромир стоял один в зловонном полумраке, дрожа от холода и ужаса, которого не знал за всю свою жизнь. Он смотрел на пустое место, где только что стоял Варфоломей, и на пятно на полу. Он думал не о политике, не о договорах. Он думал о скрежете, который заменил человеческий голос. И он понимал: Ксения права. Война с ней – это не война с государством. Это война с самой природой кошмара, который научился мыслить. И его княжество к такой войне не готово.

Он вышел, шатаясь. Ему нужно было не просто донести весть. Ему нужно было убедить князя в одном: они должны найти способ уничтожить Ксению и всё её наследие разом, с корнем. Иначе «ресурсом» станут они все.

А в камере глубоко под землёй, то, что было братом Варфоломеем, прижималось к стене, и его новые, чуждые чувства улавливали далёкий, сладкий зов... зов с замка Джамилы. Бывший инквизитор стал первым гибридом – существом, в котором религиозный экстаз сплавился с магическим уродством. И он был очень, очень голоден.

Стены в бараке знахаря были увешаны пучками трав, от которых воняло тоской и аптекой. Лета стояла, затаив дыхание, пока лекари суетились над окаменевшей рукой капитана. Её взгляд скользнул по грубо сколоченному столу и зацепился за кучу вещей, сложенных в углу: промокший плащ, потрёпанный пояс... и на нём, аккуратно положенный отдельно, как экспонат, – клинок Странника. Длинный, тонкий, с чёрной костяной рукоятью и узкими канавками вдоль лезвия. Знахари явно изучали его на следы яда.

Сердце Леты заколотилось. Бортон ни к чему не привёл. А время текло, как чёрная смола из раны Грота. Она дождалась, пока старший лекарь отвернётся, чтобы перемешать очеред-

ное бесполезное зелье, и, ловким движением, прикрытым складками её плаща, взяла клинок. Холодный металл жёг пальцы незримым остаточным ядом.

Она метнулась к палатке Бортона. Двое стражей перебрасывались костяшками, лениво прислонившись к стенам.

– Пропустите, – её голос дрогнул, но она вынула из-за пазухи имперскую марку – жетон на еду, единственное, что у неё было ценного. – Пять минут. Мне нужно... уговорить его. Ради капитана.

– А начальник не велел никого пускать, – Один из стражей, парень с туповатым лицом, взял жетон, покрутил.

– Он скоро придет, нас накажут – Второй страж, постарше, пожал плечами.

– Это хорошо, что скоро придет, я же ему помогаю и капитану Гроту, мы теряем время в его лечении.

Лета зашла в палатку, он почти висел привязанный, избитый.

– Послушай, – начала Лета, опускаясь перед ним на колени. – Они убьют тебя. Медленно. Капитан умрёт, и тебя отправят на переработку. Ты же лучше меня понимаешь, что это значит? Лаборатории Арканов, там, – она достала мокрую тряпку и стала промывать его раны, аккуратно, медленно.

– Спасибо, – тихо сказал он, посмотрев в ее глаза.

– Я думала, ты не говоришь, – на мгновение замерла Лета, помоги, они убьют тебя. Я, – ее голос дрогнул, – ты мне нравишься, я не переживу одна. Да и они мне не дадут теперь выжить..

– Этот яд... его противоядие – не растение, – сказал странник, – Это... споры. Их можно добыть только в одном месте. В «Горле». И если они узнают, где это... они отправят туда отряд. И разбудят то, что должно спать. И тогда умрёт не капитан. Умрёт вся эта база. И следующая.

– У тебя должно быть противоядие, ты бы не стал брать с собой яд без антидота, – Лета смотрела ему в глаза, поднеся к нему кружку с водой. «Горло». Лета слышала шепотом это название. Дыра в земле, откуда доносится ветер, пахнущий мёдом и гнилью, и который иногда... зовёт по именам, они убьют тебя...

Лета вытащила из-за пазухи его клинок. Он замер, увидев его.

– Я... я нашла его, – сказала она. И прежде, чем он успел что-то понять, она провела лезвием по своей ладони. Не глубоко, но достаточно. Острая, холодная боль, а потом... странное, пульсирующее онемение. Из пореза не хлынула алая кровь. Выступило несколько капель густой, тёмно-бордовой, почти чёрной жидкости. И тут же, на глазах, края раны начали темнеть и твердеть, кожа стала напоминать застывший воск или... кору. Боль была леденящей, идущей изнутри костей.

– Что ты наделала?! – прошипел Странник, впервые выказав испуг.

– Теперь я тоже заражена, – сказала Лета, и её голос дрожал уже не от страха, а от адреналина. – И у тебя есть противоядие. Ты несешь его с собой. Всегда носишь. Потому что ты не самоубийца. Где оно? Где?!

Она рванулась к его сумке, валявшейся в углу ямы, и начала лихорадочно вытряхивать содержимое: сухие коренья, кремь, обрывки карт... несколько бутыльков

– Покажи, это он? – умоляюще кричала она

В этот момент над ямой раздались тяжёлые шаги и гневный окрик Бортона: «Кто ей разрешил тут?!»

– это он, – Лета показывала ему другой бутылек, ее голос начал хрипеть.

Лета попыталась отдернуть руку, но Бортон грубо схватил её за запястье и разжал пальцы. Глиняный пузырёк упал на землю, он поднял его, посмотрел на странную, тёплую глину, на печать. Потом его взгляд перешёл на порез на её ладони и на начинающееся окаменение.

Он резко повернулся к Страннику, которого уже держали поднявшегося двое стражей.

– Это оно? – он тряс пузырьком перед его лицом. – Противоядие?

Странник смотрел то на бутылёк, то на Лету. Его взгляд был нЛетыносимым – в нём была ярость и отчаяние. Он кивнул

Боргон фыркнул, будто только что выиграл пари.

– Стража, унести эмберу к знахарям, – он сжал пузырёк в кулаке, и отправился к ним.

– Показатели стабильны, думаю, опасность миновала его тоже, – услышала Лета сквозь сон. Она открыла глаза и увидела, как знахари, осмотрев мирно спящего больного капитана, отошли к столу, делая записи

– Кажется, этот дикарь весьма ценен, нужно будет выпросить его к нам, его знания будут полезны, – сквозь дверь она увидела, что на улице уже темнело.

Она тихо встала с кровати, осмотрела свои руки, и, пошатываясь, схватила в охапку, лежащую рядом на стуле свою форму, вышла на улицу. Лета сразу зашла за палатку знахарей, чтобы не привлекать внимание и оделась.

Сумерки сгущались в липкую, тёмно-синюю муть. Лета прижалась к шершавым бревнам стены, сердце колотилось так, будто пыталось вырваться через горло. Она уже почти дошла до ямы, без плана, она понимала одно – его нужно спасти, когда взгляд выхватил из полумрака неправильность: у самого основания частокола, там, где грунт просел, клочья сухой травы были неестественно отогнуты. Лаз. Небольшой, но явно проход, вырытый кем-то, кто ценил тихие уходы больше, чем правила.

– Кто-то уже бегал отсюда. Значит, и мне можно, – Она бесшумно юркнула в прохладную, пахнущую сырой землей и страхом нору, вынырнула с внешней стороны стены. Воздух здесь был другим – свободным и смертельно опасным. Она проползла несколько метров в высокой, пожухлой траве, подняла голову.

Лагерь был жёлтым пятном тревожного света в сгущающейся тьме. А вокруг... Она знала эту карту. Прямо перед ней, за полосой выкошенного подзора безопасности, темнели приземистые, оплывшие холмы Шепчущих Склепов. Чуть лЛетее, против света последней зари, высился чудовищный, мёртвый силуэт ДрЛета Снов, его корни, толстые, как туловища, уползали в землю, словно спящие змеи.

В памяти всплыли страницы, которые ей не положено было видеть. Тяжёлый фолиант в пыльном архиве, конспекты аркана-еретика. «Эмберы» – не просто стражники порядка, усыпляющие буйных. Их ритуалы, их истинная сила... «...заключена в зове. Кровь носителя, смешанная с волей, есть искра для спящего праха. Но предупреждаю учеников: сие есть меч без рукояти. Призвав, вы не сможете указать, кого он поразит...»

Её кровь. Её воля. Её отчаяние. Эти знания прятали от всех, они были опасны для империи, эмберов обучали только нужным наукам. Это было остро, как лезвие. Она снова вползла в лаз, уже обратно в лагерь. Ночь вступила в свои права. Смятение у ямы стихло, уставшие стражи сменились двумя свежими – один похаживал, другой сидел на ящике, ковыряя в зубах.

– Нужно подальше от них. Чтобы всё внимание было там, – подумала она и отползла в тень кузницы, где пахло гарью и холодным металлом. Достала свой короткий, верный нож. Лезвие блеснуло тускло. Она не позволила себе дрогнуть. Резкое движение – острая, чистая боль, и тёплая струйка побежала по запястью. Она присела, прижала руку к голой земле, чувствуя, как жизнь впитывается в холодную грязь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.